

«Русское воззрение на историю»*

Безлепкин Николай Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Научный редактор издательско-полиграфического центра

Доктор философских наук, профессор

nick-bezlepkin@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются особенности становления и развития университетской философии истории в России середины XIX — начала XX вв., для которой были характерны неразрывная связь с традициями отечественной историософии, доминирование онтологического подхода в исследовании исторического процесса, а также самобытное решение вопроса о соотношении всемирной и национальной истории. В своей совокупности эти особенности составляли, по выражению Т. Н. Грановского, суть «русского воззрения на историю», которое было положено в основу преподавания в российских университетах в рассматриваемый период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

философия истории, историософия, онтология и эпистемология истории, всемирная история, всеобщая история, провиденциализм, эсхатологизм, эволюционное понимание исторического процесса, историография, методология, культурно-исторический тип

Bezlepkin N. I.

«The Russian View on History»

Bezlepkin Nikolay Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Scientific Editor of the publishing and printing Center

Doctor of science (philosophy), professor

nick-bezlepkin@yandex.ru

ABSTRACT

In the article features of formation and development of university philosophy of history in Russia of the middle of XIX — the beginnings of the 20th centuries are analyzed. Were characteristic of it: indissoluble communication with traditions of a domestic historiosophy, domination of ontological approach in research of historical process, and the original solution of a question of a ratio of the world and national history. In the set these features made, according to T. N. Granovsky, an essence of “the Russian view on history” which has been the basis for teaching at the Russian Universities during the considered period.

KEYWORDS

Philosophy of History, historiosophy, ontology and epistemology of history, world history, general history, providentialism, eschatologism, evolutionary understanding of historical process, historiography, methodology, cultural and historical type

Интерес к философско-историческим проблемам периодически актуализируется как в обществе в целом, так и в академической среде, в частности. Это обусловлено время от времени возникающими в обществе дискуссиями вокруг вопроса о месте и роли России в мировом цивилизационном процессе. Стремление определить место страны в окружающем ее мире, понять характер и значение взаи-

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-03-00488а.

мосвязей с цивилизациями Запада, найти оптимальное соотношение между курсом на приобщение к европейским ценностям и естественным желанием сохранить свою национальную и историческую самобытность — всегда составляло главную суть этих дискуссий. При этом диапазон мнений и оценок, высказываемых относительно места и роли России во всемирной истории, часто диаметрально противоположен — от признания ее мессианской роли и особого предназначения до попыток вывести на периферию всемирной истории. Это имело место в прошлом страны — будь то стремление провозгласить «Москву третьим Римом» или споры между славянофилами и западниками относительно путей развития России, находит свое отражение и в современной полемике между государственниками и либералами о месте страны в мировой политике. Непременным условием поиска ответа на поставленные вопросы является философская рефлексия над историей, определение методологических оснований взгляда на всеобщую и национальную историю.

В России процесс научной рефлексии над историей получил развитие во второй половине XIX в. [1, с. 17–23]. Этому в значительной степени способствовала сложившаяся в российском обществе ситуация, когда остро встал вопрос об отношении России к западной цивилизации, обострились дискуссии между славянофилами и западниками по поводу выбора между самобытным и универсалистским путем развития. Итоги Крымской войны еще более акцентировали внимание на проблемах дальнейшего развития России, остро обозначили потребность реформ в российском обществе. Ученые, студенты университетов и образованная публика проявляли огромный интерес к истории западноевропейских стран, которые уже находились в процессе модернизации и формирования новых общественных и политических институтов. Большинство представителей «западничества» связывали назревшие в стране социальные реформы с заимствованием западноевропейских достижений. Веря в «уроки истории», они пытались отобрать наиболее ценные явления европейского исторического опыта и применить их к российскому настоящему и будущему. Видные представители либеральной мысли России Б. Н. Чичерин и В. И. Герье были убеждены: «чтобы дойти до самостоятельной мысли, необходимо усвоить себе плоды всемирно-исторического просвещения; носителями же просвещения, выработанного всемирною историею человечества, являются западные народы. Иного образования, кроме западного, не существует; отрицание западного образования есть отрицание образования вообще. К этим народам поэтому, волею или неволею, мы должны обратиться за наукою. В этом и состоит смысл новой русской истории» [2, с. 220].

Поиски ответа на поставленные вопросы с необходимостью приводили к осмыслению вопроса о взаимосвязи истории и философии. С середины XIX в. русская историческая наука, накопив огромный материал, начала задаваться теми же, что и общественная и философская мысль, вопросами о смысле исторического бытия, о путях и судьбах исторического развития России в ее отношении к мировому историческому процессу. Становление истории как научной дисциплины в России, впервые обозначившееся в XVIII в., во второй половине XIX в. получило поддержку со стороны философии, проявившей интерес к исторической проблематике. Философская рефлексия и осмысление истории способствовали ее становлению как науки и, что еще более важно, — возрастанию ее общественной роли, открывало, по определению Т. Н. Грановского, путь к выработке собственного «русского воззрения на историю». В лекциях 1848/49 гг. он говорил: «Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге Европы, наблюдателями [движения], и при этом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы

стараясь понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдание своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение...» [8, с. 240–241].

Путь к выработке самобытного воззрения на историю стал возможным, прежде всего, благодаря неразрывной связи философии истории с историософией, имевшей значительно более глубокие и устоявшиеся традиции в истории отечественной мысли. Отечественная историософия, менее всего подвергшаяся секуляризации, способствовала привнесению в историческую науку идей провиденциализма и эсхатологизма [4, с. 125]. Русская философия истории всегда тяготела к историософии. Опора на религию придавала русской философии истории целостность и полноту, которые были несвойственны позитивизму и придавали ей свой неповторимый национальный колорит. Смысл истории, полагал П. Я. Чаадаев, для которого главной темой размышлений была рефлексия по поводу исторического предназначения России, определяется «божественной волей», властвующей в веках и ведущей человеческий род к его конечной цели. Провидение при этом нисколько не лишает действующих лиц этой драмы свободы выбора целей и средств, но тем самым оно ставит их в ситуацию ответственности. И чем явственнее обозначается провиденциальный смысл истории, тем выше ответственность человека за ее исход. При этом задача истории, считал Чаадаев, должна заключаться не в простом описании событий и фактов, а в «размышлении», т. е. отыскании нравственного смысла великих исторических эпох, постижении «постоянных результатов и вечных последствий исторических явлений». Русский мыслитель настаивал на необходимости рассматривать «нашу историю с философской точки зрения» [6, с. 532].

Будучи в значительной своей части теологичной, русская философия истории в целом критически относилась к „отвлеченным началам“ западного рационализма, весьма успешно апеллировала к рациональным, в том числе общенаучным (сциентистским) методам познания в поисках смысла истории [5, с. 5]. История, полагали русские мыслители, должна стать разделом философии истории, которая исследует бытие человечества «по законам практического разума». В этом соединении традиций отечественной историософии с философско-историческими изысканиями заключается одна из важных особенностей «русского воззрения на историю».

Концепции исторического процесса, излагаемые профессорами российских университетов, преимущественно подчинялись предварительно избранному философскому установкам того или иного западноевропейского происхождения. Лекции по всеобщей истории в середине XIX в., как правило, представляли собой интерпретацию трудов европейских авторов. В качестве философско-методологических оснований университетских курсов поначалу выступали шеллингизм, гегелевская философия истории, а с распространением позитивизма в России, его идеи нашли широкое воплощение в университетской практике преподавания истории. Для всех них было характерно значительное внимание к эпистемологическим аспектам истории, подчиненность исторической гносеологии. На особенностях отечественного подхода к преподаванию всеобщей истории в полной мере сказалось влияние западной историографии, которая, по замечанию известного английского историка П. Берка, всегда «отличается в своих основаниях склонностью к исследованию эпистемологических проблем, проблем исторического знания вообще» [3, с. 28].

Проблемы исторической эпистемологии в первую очередь связаны с системой восприятия фактов историком. Ее объектом является не собственно исторический

процесс и ход развития истории общества, а знание об этом процессе. Объектом знания в исторической эпистемологии является знание об объекте исторического познания. Историческая эпистемология своей задачей видела не поиск законов и закономерностей развития общества, а ответ на вопросы о возможности их выявления, сопоставления их с законами развития природы, определение научного статуса историографии. Английский историк Т. Макколей в XIX в. писал, что обязанность ученого заключается в том, чтобы сделать прошедшее настоящим, приблизить отдаленное, вызвать наших предков со всеми их особенностями языка, нравов, одежды; провести нас по их жилищам, посадить с нами за стол, обшарить их старомодные гардеробы, объяснить нам употребление их тяжеловесной домашней утвари [3, с. 24]. Такое понимание задач исторического исследования привело многих историков и философов к выводу о том, что объектом исследования является не исторический факт, не историческая реальность, а знание об этой реальности, вторичные исторические и историософские тексты, рассматриваемые в их отношении к действительности.

Конституирование позитивистского понимания единства науки в России во второй половине XIX в. еще более способствовало дальнейшему развитию исторической эпистемологии, которая, вооружившись естественнонаучной методологией, предлагала описание истории через законы науки и принципы физикалистско-объективистского детерминизма. Был сформулирован тезис, согласно которому познание истории есть каузальное объяснение исторических событий из некоего охватывающего (универсального) закона, который может быть социальным, психологическим, биологическим или физическим. Эти законы играют в социально-гуманитарных науках такую же роль, как и в науках естественных. История с этих позиций должна заниматься изучением только историко-эмпирического материала, конкретных фактов, не делая из них каких-либо выводов, поскольку сами по себе эти факты уникальны и неповторимы. Все индивидуальные случаи подводятся под охватывающие законы так, что производится логическая дедукция особенного явления из общего закона.

Безраздельному влиянию эпистемологического подхода к исследованию истории, его приложению к философии истории передовые русские ученые противопоставили обращение к онтологическим основаниям исторического процесса. В отличие от классической европейской парадигмы философии истории, которая замыкается в стремлении выработать общее историческое мирозерцание, понимаемое как философское выяснение принципов самой истории и принципов познания истории, в русской университетской философии истории в этот период доминирует онтологическая проблематика, а эпистемологическая является вторичной. Предметом университетской философии истории, основанной на онтологическом подходе к изучению истории, является создание общей теории всемирно-исторического процесса, включая проблемы исследования идентичности и др.

В рамках университетской философии истории во второй половине XIX — начале XX вв. был последовательно реализован онтологический подход к изучению истории, способствовавший дальнейшему развитию «русского воззрения на историю», в котором традиции отечественной историософии были перенесены на почву исторической науки. Исследователями выделяется несколько этапов становления и развития научно-философского подхода к истории, основанного на использовании в качестве методологии онтологических оснований [см.: 7]. Подготовительный этап научно-философского воззрения на историю был связан с рядом дискуссий первой половины XIX в. по философским вопросам истории: полемика М. Т. Каченовского и «скептиков» против Н. М. Карамзина; дискуссия о влиянии географических факторов на историю, вызванная работами К. Бэра конца 1840-х годов; спор о достоверности в истории (Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. С. Уваров); по-

лемика М. М. Стасюлевича с московскими историками П. М. Леонтьевым и И. К. Бабстом о задачах и методах истории как науки; споры между представителями «государственной школы» в русской историографии (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин) и славянофилами.

У истоков научно-философского воззрения на историю стояли профессиональные историки и философы, преимущественно связанные с университетами, благодаря усилиям которых философия истории начала преподаваться в университетах, стала академической дисциплиной. В университетах начинают читаться курсы по философии истории (М. М. Стасюлевич в 1860–1861 гг. читает в Санкт-Петербургском университете, В. И. Герье в 1865–1866 гг. — в Московском университете). В результате, с одной стороны, вопрос «как возможно историческое знание» стал включаться в систему философского знания, а с другой — философии истории стало «вменяться в обязанность» исследование онтологических оснований истории. К проблемам онтологии истории относились вопросы понимания исторических законов, раскрывающих порядок бытия того сущего, которое мы называем историей, выявление в истории общего и универсального, характерного для всех народов и определяющего единство истории, а также раскрытие ее многообразия, обуславливающего социальные и культурные различия цивилизационного процесса. Интерес к выявлению онтологических оснований истории был обусловлен, с одной стороны, повышенным вниманием к объективным условиям, детерминирующим единство исторического процесса, а с другой — выявлением в истории факторов, определяющих его многообразие.

Смещение акцента с исторической эпистемологии, когда история рассматривалась только как форма знания, к онтологии истории не было случайным, поскольку обращение к онтологическим основаниям исторического процесса позволяло преодолеть умозрительное восприятие истории и осмыслить исторический опыт Европы, ее уроки в качестве необходимого момента в понимании места и роли России в мировой цивилизации. По оценке Н. И. Кареева, именно Т. Н. Грановский был «первым на кафедре всеобщей истории, который отрешался от взгляда на этот предмет, как на механическое соединение частных историй отдельных стран и народов, для того, чтобы возвыситься до всемирно-исторической точки зрения, до представления истории человечества, в недрах которой совершается единый по существу и по своей цели процесс духовного и общественного развития» [9, с. 2–3]. Достижение цельного взгляда на историю возможно, считал Грановский, не иначе как в связи с философией, позволяющей вскрыть онтологические основания истории. Ученый видел недостатки современной ему философии истории в том, что она строилась преимущественно на исторической гносеологии, отмечая, что «слабая сторона философии истории в том виде, в каком она существует в настоящее время, заключается, по нашему мнению, в приложении логических законов к отдельным периодам всеобщей истории. Осуществление этих законов может быть показано только в целом, а не в частях, как бы они ни были значительны» [10, с. 18]. Проводя разграничение понятий всемирной истории и всеобщей истории, Грановский ставил последнюю выше всемирной истории именно по причине того, что в отличие от всемирной истории, ориентированной на изучение истории отдельных стран и народов мира, всеобщая история имеет своим предметом не весь род человеческий, а только общее, существенное в истории отдельных народов, поэтому всеобщая история не ограничивается эмпирическим описанием материала, но должна восходить от отдельных явлений к общему, к исторической закономерности.

Акцент на тех или иных аспектах онтологии истории, указывающих на ее универсализм и единство, или на цивилизационное многообразие, в значительной степени определили выделение двух основных направлений в анализе исторической ситуации в России, в преподавании философии истории в университетах, одно из

которых выстраивалось на основе идеи целостности и единства всемирной истории, представляющей эволюционный подход к пониманию исторического процесса, другое — отстаивало многообразие цивилизационного развития, исходя из учета влияния экономических и социокультурных условий на развитие того или иного народа, повышенного внимания к историческим фактам, многофакторности исторического процесса.

Наиболее распространенной в университетских аудиториях России второй половины XIX в. становится эволюционное понимание исторического процесса, на основании которого делается попытка определить место России в мировой истории. Таковыми были прежде всего лекции Т. Н. Грановского, посредством которых в силу присутствия в них историософских вопросов о прошлом и будущем России, ее месте в европейской цивилизации, была сделана успешная попытка приобщить русское общество к западноевропейской истории, а через нее подойти к осмыслению собственной российской истории, чрезвычайно затрудненное в условиях николаевской России. Будучи убежден в универсальном характере исторического процесса, Грановский призывал искать ключ к труднообъяснимым, «загадочным явлениям» российской истории в «великих вопросах» западноевропейской истории. Четко выраженная им линия истолкования специфики всемирной истории как всеобъемлющей и взаимосвязанной, а также то внимание, которое он уделял осмыслению закономерностей истории и судеб России с учетом опыта исторического развития других стран, не могли не привлекать прогрессивную часть общества. Поиски общих исторических законов, раскрывающих порядок бытия того сущего, которое мы называем историей, составляли онтологические основания истории эволюционного взгляда на исторический процесс как единое, целостное и закономерное явление.

В конце XIX — начале XX вв. наступает новый этап в утверждении «русского воззрения на историю». Он был связан с активной разработкой теоретико-методологических проблем историографии, вызванной философской рефлексией над историей. В российских университетах все больше усиливается интерес к историографии и методологии. Специальные курсы формируют общую и «прикладную» историографию, первую — как предмет, вторую — как обязательную принадлежность университетского исторического преподавания. В конце XIX в. В. О. Ключевский читал в Московском университете «Обзор русской историографии», сопровождая его семинарием; Д. И. Багaley — в Харьковском курс «Русская историография»; В. С. Иконников — в университете св. Владимира «Очерк обработки русской истории в XVIII–XIX столетиях»; Н. Н. Фирсов — в Казанском «Русскую историографию от Татищева до новейшего времени»; Д. В. Цветаев — в Варшавском «Курс русской историографии и методологии». А. С. Лаппо-Данилевский в Петербургском университете начал преподавание методологических проблем истории и источниковедения [11, с. 307]. Н. И. Кареев в 1883 г. издает двухтомный труд «Основные вопросы философии истории», в котором попытался применить к истории эволюционную точку зрения. Разработанная им теория исторического процесса, не лишенная влияния позитивизма, под историческим изучением понимала такое «изучение, которое берет предмет в его прошлом, в его происхождении (генезисе), видоизменениях (трансформации), развитии (эволюции). Подобно тому как понятие истории в смысле простого повествования о случившемся развилось до понятия исторической науки, так и понятие об истории, как о простой совокупности фактов прошлого, развилось до понятия об историческом процессе» [6, с. 7]. Кареев не ограничивается пониманием Конта и Спенсера об эволюции, а делает идею эволюции основополагающим принципом своей философии истории. «Исторический процесс, — отмечает Н. И. Кареев, — есть таким образом эволюция культуры и социальных форм» [12, с. 238].

Опора на онтологические основания истории прослеживается также в трудах и лекционных курсах таких выдающихся русских ученых-историков, как С.М. Соловьев, В.И. Герье, В.О. Ключевский. Идея целостного понимания развития истории пронизывает взгляды С.М. Соловьева, который рассматривал историю как непрерывную последовательность этапов развития человечества и призывал к «многосторонности» взгляда на историю. Свое внимание он сосредоточил на четырех основных проблемах, которые, по его мнению, позволяли найти верное решение проблемы единства и многообразия истории: 1) сущность и закономерность исторического процесса; 2) объективные факторы, детерминирующие историческое развитие; 3) государство как субъект исторического действия и роль личности в истории; 4) специфика переходных эпох в истории человечества, России в частности [5, с. 131].

Историк подчеркивал, что «успех в изучении истории зависит именно от внимательности этих наблюдений, от многосторонности взгляда; ошибки происходят не от неправильности такого взгляда вообще, но от того, что мы глядим на одну сторону явления и спешим из этого рассмотрения вывести общие законы, объявляя другие взгляды, таким образом, взгляды на другие стороны явления, ложными. Взгляд вполне правильный есть взгляд всесторонний» [13, с. 342]. Отмечая стремление Соловьева отыскать смысл в истории, вывести историческую закономерность, К.Д. Кавелин подчеркивал веру русского историка «в историческое развитие» [14, с. 265]. Идея органичности и цельности исторического процесса, по Соловьеву, не подвержена произволу, «капризу одного сильного человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу, вопреки воле народной» [15, с. 90].

Однако трудности, возникшие при попытке открытия исторических законов, приводят отечественных историков и философов к признанию не только закономерности, но и обусловленности исторического процесса, что находит свое выражение в теории многофакторности исторического развития, выдвижении различных вариантов исторического выбора по продвижению к общественному прогрессу. Так, В.О. Ключевский утверждал, что в истории не наблюдается деятельность отвлеченного общественного духа, ей доступны только те идеи, которые становятся «историческими фактами», а потому выводить историю России из так называемого «духа народа» является не более чем спекуляцией. По его мнению, экономические интересы, политические отношения и духовные ценности определяют своеобразие общественной жизни, формируют цивилизационный облик страны. При этом в историческом процессе географические, экономические, политико-юридические, культурно-исторические факторы меняются местами по своей значимости. Это был по существу принципиальный отказ от монистического эволюционного взгляда на историю и утверждение ее многофакторного развития. Исторический процесс, по убеждению Ключевского, складывается из множества разнородных и асинхронных процессов, основанных на сочетании разнообразных местных элементов и сил, что предполагает их всесторонний учет в целях недопущения ошибок в осуществлении выбора пути общественного развития.

Акцент на многофакторности цивилизационного развития, учете влияния экономических и социокультурных условий на развитие того или иного народа, повышенное внимание к историческим фактам сделало возможным появление теории культурно-исторических типов, которая была представлена Н.Я. Данилевским в работе «Россия и Европа» (1868 г.), где автор в качестве онтологических оснований многообразия истории выделяет культурно-исторические типы. По мнению Данилевского, история не есть прогресс некоего общего разума, некоей общей цивилизации, ибо таковой просто нет, а есть развитие отдельных культурно-исторических типов. История человечества предстает как развитие отдельных, замкнутых

культурно-исторических типов, носителями которых являются естественные, т. е. исторически сложившиеся, группы людей. Подобно типам в животном мире, культурно-исторические типы не имеют общей судьбы, а их самобытность и своеобразие определяются природными, этнографическими факторами.

Противопоставляя идее эволюционного характера истории учение о естественном многообразии различных культурно-исторических типов, Данилевский разрушил представление о европейской культуре как образце для подражания, при этом не в плане критики ее недостатков, а с точки зрения научной несостоятельности самой идеи. «Общечеловеческой цивилизации, — отмечал он, — не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или лучше сказать идеал — достижимый последовательным, или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [16, с. 129–130]. Человечество, считал он, может развиваться только «разноместно» и «разновременно», актуализируя различные стороны своего культурно-деятельностного существования.

Восприятие исторического процесса как множества разнородных и асинхронных процессов, основанных на сочетании разнообразных факторов и культурно-исторических типов, позволило русским мыслителям найти подходы к решению вопроса о соотношении всемирной и национальной истории, что было еще одной отличительной особенностью «русского воззрения на историю». В то время как западная историография была не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, философско-историческая мысль России решала проблемы национального исторического бытия в его связи с мировым историческим процессом, раскрывала его новые ракурсы и отношения. Помимо восприятия исторического процесса как целостного и органичного философское осмысление истории состоит, по мнению В. И. Герье, не только в том, что жизнь русского народа представляется им как единый, из себя развивающийся своей внутренней жизненной силой организм; но и в том, что жизнь этого народа тесно связана с жизнью других европейских народов. Судьба русского народа, отмечал он, только часть другого великого организма, также единого и живущего общею жизнью своих частей — Европы, цивилизованного человечества [17, с. 25–26].

Разрешение вопроса о соотношении общего и особенного в истории не только обогащало методологический инструментарий исторического исследования новыми методами — сравнительно-историческим и методом аналогий, но открывало новые возможности для сопоставления универсальной (всеобщей) и национальной истории, способствовало более глубокому постижению острых социально-политических проблем России.

В своей совокупности выделенные особенности отечественной философии истории — неразрывная связь с традициями отечественной историософии, доминирование онтологического подхода в исследовании исторического процесса, а также самобытное решение вопроса о соотношении всемирной и национальной истории, — составляли суть «русского воззрения на историю», которое было положено в основу преподавания в российских университетах в рассматриваемый период.

Литература

1. Бродский А. И., Малинов А. В. Академическая и неакадемическая философия истории: Типологические характеристики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 17–23.

2. *Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие»* В. Герье и Б. Чичерина. М., 1878.
3. *Историческая эпистемология*. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
4. *Русская философия. Новые исследования и материалы. Проблемы методологии и методики* / под ред. проф. А. Ф. Замалева. СПб., 2001.
5. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории : курс лекций*. М. : ИЧП «Издательство Магистр», 1997.
6. *Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего* // П. Я. Чаадаев. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991.
7. *Малинов А. В. Очерки по философии истории в России в 2 т.* СПб. : Интерсоцис, 2013.
8. *Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья* / сост. С. А. Асиновская. М., 1987.
9. *Кареев Н. И. Историческое мировоззрение Т. Н. Грановского*. СПб., 1905.
10. *Грановский Т. Н. Сочинения*. М., 1892. Т. I.
11. *Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России* // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М. : Издательский дом «Национальный исследовательский университет ВШЭ», 2012.
12. *Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса*. В 2 т. Т. II. М., 1883.
13. *Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом* // С. М. Соловьев. Сочинения. СПб., 1882.
14. *Кавелин К. Д. Исследования С. М. Соловьева* // К. Д. Кавелин. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. СПб., 1897.
15. *Соловьев С. М. Начала русской земли* // С. М. Соловьев. Сочинения. СПб., 1882.
16. *Данилевский Н. Я. Россия и Европа*. СПб., 1988.
17. *Герье В. И. Сергей Михайлович Соловьев*. СПб., 1880.

References

1. Brodsky A. I., Malinov A. V. *Academic and unacademic philosophy of history: Typological characteristics* [Akademicheskaya i neakademicheskaya filosofiya istorii: Tipologicheskie kharakteristiki] // Bulletin of the Voronezh State University. Series Humanities [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki]. 2004. N 2. P. 17–23. (rus)
2. *Russian dilettantism and communal land ownership. Analysis of the book of the prince A. Vasilchikov «Land tenure and agriculture»* V. Guerrier and B. Chicherin [Russkii diletantizm i obshchinnoe zemlevladienie. Razbor knigi knyazya A. Vasil'chikova «Zemlevladienie i zemledelie» V. Ger'e i B. Chicherina]. M., 1878. (rus)
3. *Historical epistemology* [Istoricheskaya epistemologiya]: Scientific monograph (translation of Kukartseva M., Kataeva V., Timonina V.). M.: "Canon +", "Rehabilitation", 2007. (rus)
4. *Russian philosophy. New researches and materials. (Problems of methodology and a technique)* [Russkaya filosofiya. Novye issledovaniya i materialy. Problemy metodologii i metodiki] / Under edition of the prof. A. F. Zamaleev. SPb., 2001. (rus)
5. Novikova L. I., Sizemskaya I. N. *Russian philosophy of history: Course of lectures* [Russkaya filosofiya istorii: Kurs lektsii]. M. : Publishing House Master [ICHp «Izdatel'stvo Magistr»], 1997. (rus)
6. Chaadayev P. Ya. *Apology of the madman* [Apologiya sumasshedshego] // Chaadayev P. Ya. Complete Works [Poln. sobr. soch.]. V. 1. M., 1991. (rus)
7. Malinov A. V. *Sketches on philosophy of history in Russia in 2 v.* [Ocherki po filosofii istorii v Rossii v 2 t.] SPb. : Intersocis, 2013. (rus)
8. Granovsky T. N. *Lectures on Middle Ages history* [Lektzii po istorii srednevekov'ya] / Collection of S. A. Asinovskaya. M., 1987. (rus)
9. Kareev N. I. *Historical worldview of T. N. Granovsky* [Istoricheskoe mirosozertsanie T. N. Granovskogo]. SPb., 1905. (rus)
10. Granovsky T. N. *Compositions* [Sochineniya]. M., 1892. V. I. (rus)
11. Chesnokov V. I. *Ways of formation and characteristic features of system of university historical education in pre-revolutionary Russia* [Puti formirovaniya i kharakternye cherty sistemy universitetskogo istoricheskogo obrazovaniya v dorevolutsionnoi Rossii] // Historical culture of imperial Russia: formation of ideas of the past [Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom]. M. : "National Research University HSE" publishing house [Izdatel'skii dom «Natsional'nyi issledovatel'skii universitet VShE»], 2012. (rus)

12. Kareev N.I. *Main questions of philosophy of history. Criticism of historiosophy ideas and experience of the scientific theory of historical progress* [Osnovnye voprosy filosofii istorii. Kritika istoriosoficheskikh idei i opyt nauchnoi teorii istoricheskogo progressa]. In 2 v. V.II. M., 1883. (rus)
13. Solovyov S.M. *Public readings about Peter the Great* [Publichnye chteniya o Petre Velikom] // Solovyov S.M. Compositions [Sochineniya]. SPb., 1882. (rus)
14. Kavelin K.D. *Researches of S. M. Solovyov* [Issledovaniya S.M. Solov'eva] // Kavelin K.D. Collections of Works [Sobr. soch.]: In 4 v. V. 1. SPb., 1897. (rus)
15. Solovyov S.M. *Beginnings of the Russian land* [Nachala russkoi zemli] // Solovyov S.M. Compositions [Sochineniya]. SPb., 1882. (rus)
16. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe* [Rossiya i Evropa]. SPb., 1988.
17. Guerrier V.I. *Sergey Mikhaylovich Solovyov* [Sergei Mikhailovich Solov'ev]. SPb., 1880. (rus)